

ТЕАТРАЛЬНАЯ
ГАЗЕТА

№5

6 НОЯБРЯ 2019

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

В ПОИСКАХ ПРИНЦИПА

Картонные кривые декорации, яркие геометрические костюмы животных, гигантская, накрывающая зрителей с головой белая вуаль и кадры из «Титаника» - эти детали погружают нас в состояние странной, галлюциногенной сказки «Принцип Леонарда».

Режиссер Александр Вахов балансирует между ироническим «стебом» и детским, местами наивным рассказом о маге Леонарде, который сочинял истории с ошибками. У него из-под пера все выходит искаженным, неправильным. Вместо привычной прекрасной принцессы (Алена Свиришевская) мы видим капризную, требовательную девчущку, которая постепенно становится жестоким диктатором. Вместо мудрой королевы (Наталья Чиликина) перед нами инфантильная женщина, вышивающая узоры на сотом носовом платочке и читающая некрологи от скуки. По сюжету пьесы в принцессу Августу влюбляются два героя – заботливый премьер-министр Себастьян (Антон Ремезов) и взбалмошный механик Эдуард (Артем Прокудин). Если бы сказка шла по привычному, известному всем руслу, Августа предпочла бы себе в мужья премьер-министра, ведь он с самого начала был влюблен в нее без памяти. Себастьян буквально сдувает с принцессы пылинки и готов исполнить любую ее прихоть. Но вдруг появляется Эдуард, ветреный лохматый юноша, босоногий и полный безумных идей. Он пользуется расположением Августы,

тратит золото из королевской казны. Апогеем его эгоизма и пафосности поступков становится путешествие на Луну, чтобы высечь на ней имя своей возлюбленной. Казалось бы, выбор между двумя претендентами на руку и сердце очевиден в пользу милого, надежного Себастьяна, но Августа отдает предпочтение Эдуарду, что кажется абсурдным. В спектакле множество неожиданностей, но на них-то как раз и строится отношение автора пьесы Константина Костенко и режиссера Александра Вахова к привычному понятию «сказка».

Помимо необычно построенного сюжета здесь существует много образов, взятых из реальной жизни. Главный злодей, «королевский советник и механический человек» (Вячеслав Косарев), одет в черный строгий костюм, как у главы КНДР Ким Чен Ына, при этом на лице у него маска мексиканского борца. Королевская стража ходит с балаклавами и автоматами, словно шайка террористов. В конце спектакля Себастьян и его новая истинная возлюбленная Селестина (Ксения Согрина) встают у края сцены, как главные герои «Титаника» Джек и Роза. Все это вызывает смехи у взрослых. Жанр спектакля определен как «сказочная история для детей и родителей». Но понимают ли дети, над чем шутит режиссер? Возможно ли найти такую форму, в которой гармонично сочеталось бы взрослое, ироничное и детское, наивное? На вопрос ответят зрители.

Александра Зуева,
студентка РГИСИ

Ирина, бабушка:

«Постановка интересная. В ней представлена хорошая, поучительная история. Но мне кажется, что это не совсем детская история, она больше подходит тинейджерам от тринадцати лет, когда они уже понимают свои ошибки и начинают нести за них ответственность. Я пришла со своей внучкой и думаю, что она смогла понять не все, что заложено в спектакле».

Вика, внучка, 8 лет: «Мне понравилось представление, а больше всех – Принцесса. Но я бы, такой как она, быть не хотела, она злая. В конце только добрая стала. Но все герои интересные».

Записала Анжелика Ахунова,
студентка ЕАСИ

Спектакль «Принцип Леонарда»

Фото: Василиса Гребельная

ИСКУССТВО – ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДЫ

Александр Черепанов

Фото: Вера Цвиткис

Александр Черепанов, режиссер спектаклей «В Москву – разгонять тоску» (Челябинский Молодежный театр) и «Галатhea Собакина» (театр «Манекен», г. Челябинск)

– Как возникла у вас идея поставить прозу Николая Коляды?

А. Ч.: Ровно год назад, 3 ноября, у нас была «Ночь искусств», и мы решили устроить читку рассказов, именно потому, что никто еще этого не делал, а у меня из головы не выходило, с какой болью Николай Владимирович говорил, как их сначала никто не печатал... Никакой цели поставить спектакль тогда не было, просто эскиз. Он был так душевно принят зрителями, что мы с руководством театра решили превратить его в полноценный спектакль.

– На сцене все выглядит так, будто это нормальная пьеса, хотя артисты произносят прозу. Вы решали, кто, когда и что должен говорить, или само собой получилось?

А. Ч.: Само. Знаете, мои личные пристрастия таковы: я не очень люблю «сюжетные» истории, нравится работать с текстом, который можно «разъять». Проза – как раз не драматически выстроенная структура, которая загоняет в жесткие рамки, а свободный текст, непонятно кем произносимый. Может быть два варианта: автор – либо сам Николай Владимирович, либо тот, от чьего имени он пишет. Здесь возникает множество разных интересных «ходов»! Поэтому кроме трех рассказов мы использовали в спектакле его эссе о том, как надо и как не надо писать пьесы.

– У меня вызвало удивление: зачем именно оно звучит в спектакле, сделанном не по пьесам?

А. Ч.: Меня интересовало понятие «автор»: кто он, что он, откуда его голос раздается? Это история творения и творца. Николай Владимирович в своем эссе говорит и о том, с чем я не согласен: например, об обязательности сюжета, исходного события... Этому мы

старались идти в контрапункт. У нас текст читает актриса. И это уже не Коляда, а отдельно взятая, вынутая из текста идея, которая может родиться, жить внутри любого (и режиссера в том числе). Подобная мысль хорошо сформулирована у Ролана Барта в эссе «Смерть автора», я считаю ее замечательным полем для исследования, которое мы и попытались провести средствами театра.

– Неожиданными, надо сказать: я ожидала увидеть в постановке по этим рассказам что угодно, но только не Vogue!

А. Ч.: В этом есть определенная магия! Мне нравится зрителя «обманывать», ловить на крючок: он думает, что будет так... а нет, совсем иначе. Николай Владимирович, кстати, в своем эссе и об этом говорит тоже. Сама фраза «В Москву – разгонять тоску» сразу вызывает желание пританцовывать, ну правда! Это живая фраза. Я и подумал: что сейчас для меня Москва? Вечная красная дорожка. Девчонки, героини рассказа приехали себя показать, самопрезентацию такую сделать. Но, конечно, они демонстрируют не себя, а некий эрзац, поэтому и получилась форма подиума как доказательства того, что они есть и достойны любви и признания! Герои пытаются «прорваться», обрести свободу, «начать дышать»...

– И все это резко прекращается в третьей истории. «В Москву – разгонять тоску» и «Царица Тамара» проходят в плеске птичьих крыльев Vogue. Так же начинается «Зоя»... и дальше тишина. Текст бежит по сцене, неподвижная актриса в центре. Вы сознательно решили сбить зрителя с толку?

А. Ч.: Нет, не так! Когда я прочитал «Зою», текст исповедальный, сильный, то подумал: как это можно сыграть, чтобы не сфальшивить, не переиграть, не перестрадать, как по-актерски бывает...

– То есть вы даже не пробовали? Хотя у вас там прекрасная актриса...

А. Ч.: Да, Катя Филимонова, моя однокурсница. Нет, не пробовал, не стал одну из моих любимых актрис ставить в ситуацию что-нибудь «придаться». И это правильно: текст может играть сам, работать сам, буквами. Думаю, ей, Кате, там прекрасно, и всем так – тоже прекрасно.

– Как в Челябинске зритель воспринимает этот эксперимент?

А. Ч.: У нас спектакль идет на малой сцене, и всегда полный зал, даже проблема с переаншлагами. Возможно, большой зал мы бы так не собрали... Но ведь это не история «для коробки», ее нельзя играть на огромной сцене. Мы постарались воздействовать сразу на всю зрительскую сенсорику, которая аудиальна, визуальна и эмоциональна. Наверное, это тотальное воздействие. Может, поэтому и работает.

– Современная пьеса – ваша любовь, вы охотно пробуете все новейшие методы. Вы – тотальный режиссер? Какими средствами сегодня надо воздействовать на зрителя, учитывая, что в зале у вас рядом бабушки и молодежь?

А. Ч.: Нужно стараться воздействовать любыми способами. Надо понимать, что любое искусство – территория свободы. Это о свободе и про свободу. Любую. Человеческую, личностную. Мы те, кто мы есть, здесь, сегодня, сейчас. И чтобы донести это – театр самый подходящий инструмент!

Беседовала Вера Цвиткис

ПРОТИВОРЕЧИЯ

Спектакль «В Москву – разгонять тоску»

Фото: Юлия Сергеева

Знакомые и понятные всем сюжеты рассказов Николая Коляды обретают новые смыслы в исполнении актеров Челябинского Молодежного театра. Спектакль «В Москву – разгонять тоску» режиссера Александра Черепанова – это настоящий авангард. Геометрическая сценография: длинный белый подиум, две ширмы с полупрозрачной натянутой тканью, словно раздвижные двери шкафа-купе, вешалка для одежды. Все это необычно для простых деревенских девчачьих историй, которые часто сопровождаются ромашками и кружевными скатерками. Свежо и ново. Деревенские цветные половички уносит со сцены девушка-модель в свободном классическом костюме и на каблучках. Со сцены буквально удаляют старые прочтения. Спектакль сложился из ряда ассоциаций при работе с минимумом предметов. Так, например, вешалка становится поручнями, а плечики с одеждой – людьми, прижимающимися друг к другу в вагоне метро. Натянутая ткань, по которой бьют кулаками, напоминает трепещущее от волнения перед встречей влюбленных сердце. Ширмы, которые крутятся вокруг актеров, символизируют время, которое летит, пока ждешь того, заветного письма.

Все начинается со Светы (Екатерина Филимонова), она же Жуля, и Нади (Александра Одегова), тех самых подружек, которые поехали в Москву – разгонять тоску. Они дефилируют по подиуму в объемных юбках стилига. Яркие колготки Жули, блестящие сумочки в пайетках,

очки модной, треугольной формы – все это картинки, привлекающие внимание зрителей. Хождение по подиуму как желание быть у всех на глазах. Из провинциалок они превращаются в уверенных и жаждущих быть в центре внимания моделей. Их тела принимают какие-то причудливые, но яркие позы в стиле танца Vogue. Подружки скрываются за ширмой, и начинается театр теней. Мы видим большие, размытые силуэты, но можно разглядеть и процесс переодевания, характерные взмахи кисточкой для туши. Ощущение подготовки к театральному представлению выдерживается на протяжении всего спектакля. Затем на сцене появляются две другие подружки: Тамарка и Любка, но в исполнении тех же актрис. Это уже более зрелые, спокойные люди. Кричащий красный цвет пропал из их гардероба, остался белый и нежный небесно-голубой. Любовь Тамары сначала окрыляет ее. Забывая о своих недостатках, девушка гордо шагает по подиуму, но предательство буквально опускает ее на землю. Она расстается с последним ярким элементом одежды – черным поясом. Оставшись в белоснежном платье, героиня сливается с белым фоном подиума и экрана. Она хочет исчезнуть, раствориться, скрыться от чужих глаз. Облачившись в черное, Екатерина Филимонова перевоплощается в Зою. Финальная история начинается с похорон. Жизненный цикл пройден. Проекция слов, как река жизни, медленно течет и растворяется в глубине экрана.

В спектакль вмонтированы фрагменты видеозаписи, демонстрируемой на белых ширмах. Екатерина Писарева читает эссе Николая Коляды «Как надо и не надо писать пьесы». Длинный и подробный текст, обращенный в первую очередь к студентам-драматургам, учит главному – выбирать свой путь в написании пьесы. Отходить от избитых сюжетов про актрис и актеров; забыть о начале пьесы через приветствие или телефонный диалог; много раз подумать, прежде чем писать историческую драму, особенно в стихах. Писать, конечно, нужно о жизни, потому что она сама по себе интересна. Наполнена противоречиями, которые и интересуют театр. Поэтому в конце спектакля черные и белые бусины оказываются в одной банке. Их и должен уметь сохранить драматург.

Дарья Алексеева,
студентка РГИСИ

КОНЕЦ ИСТОРИИ

Спектакль по пьесе Алексея Честных «Хрустальный мост» идет в небольшом зале на пятнадцать человек в Водонапорной башне на знаменитой екатеринбургской Плотинке в Историческом сквере. Авторы – режиссеры театра «ТУТ» (г. Екатеринбург) Екатерина Вяликова и Дмитрий Неустроев. Исполнитель главной роли – актер Игорь Алешкин. Внешняя оболочка у его героя Кости есть, а внутри – пустота. Уровень алкоголя в этом человеческом сосуде все поднимается, но это не то наполнение. Разговоры с бомжами-хипстерами не помогают. Погружение в работу не спасает. Но другого наполнения нет. Нет надежды – «самораспятие каждый день».

Было когда-то «три мушкетера». Мутили на троих. Любовь к одной, потом к другому. И это любовь была. И по-чеховски

«жить хочется!» Автокатастрофа забрала жизни двоих, их смерть погубила жизнь третьего. И вот он один – просто Костя. Ни деньги, ни алкоголь, ни «секретутка», ни дизайнерская хата с видом на пруд не восполняют потери. У него словно отрезали кусок жизни, и Костя – снова тот первокурсник, не знающий, как жить.

Казалось, что-то милое сердцу, ценное, осталось только на фото. Игрушечного тигра можно прижать к себе, выпотрошить, достать из него припрятанную бутылку, вытереть им пол. А фото надо беречь, протирать стекло рамочки, аккуратно ставить, чтоб оно уцелело в этом разгроме. Одинокая партия в сухари-шашки – прочь. Четыре одноразовых стакана с вином – прочь. Пустые коробки – прочь. Все фальшиво, все не то, нет настоящего. Вокруг «одни картонные декорации».

(Продолжение на 4 стр.)

Но этот день особенный, потому что не будет завтра. Потому что это было не фото, а зеркало. В нем не было утешения; того необходимого человека, с кем он чокался. Каждый раз, дыша на него, Костя не протирал стеклышко, а проверял, «жив ли еще?» И говорил он не с кем-то, а с самим собой. Не будет завтра «воскрешения через боль». Шаг в тот мир, босиком, через хрустальный мост, к погибшей своей части, к своей мечте из прошлого. А здесь остаются лишь фальшивая «Лунная соната», пустые коробки из-под пиццы, бутылки и дырявые полосатые носки.

Ульяна Громакова,
студентка РГИСИ

Спектакль «Хрустальный мост»

Фото: Марина Молдавская

НЕТ НИ БОГА, НИ ДЬЯВОЛА, ЕСТЬ БЕТХОВЕН...

Спектакль «Фронтовичка»

Фото: Софья Глухова

Зал окутывается таинственной дымкой, пронизанной лучами прожекторов. Спектакль еще не начался, а по сцене уже бродит главная героиня. На полу все черное: песок, разбросанные деревянные табуреты и ткань. Поблескивают в этом «омуте» только серебряные тазики с водой.

Атнинский государственный татарский драматический театр имени Г.Тукая представил на сцене театра балета «Щелкунчик» спектакль «Фронтовичка» на татарском языке. В его основе одноименная пьеса ученицы Николая Коляды – Анны Батуриной. Спектакль о личной драме двадцатичетырехлетней девушки Марии Петровны Небылицы, которая вернулась с войны победителем, но судьба по-

слала ей новые испытания: беременность, тиф и выкидыш; ожидание любимого в доме его матери и встречу там же не только с ним, но и с его беременной невестой.

Спектакль местами получился психоделическим – звучит медитативная музыка, герои на сцене превращают воду и песок в черную грязь. Тут же резкий контраст: во время смены локаций перед зрителем разыгрывается хореографическое представление под современную электронную музыку. Когда война кончается, бойцы открывают зеленую траву, ранее спрятанную под их вещами. Тут же поляна озаряется светом. Мария Петровна держит в руках блестящий стальной таз и ловит им луч одного из прожекторов, направляя его в зал – луч движется по лицам зрителей, как солнечный зайчик. Этот яркий прием игры со светом проходит лейтмотивом через весь спектакль.

Здесь много хореографии. По сюжету Мария Петровна не успела окончить училище из-за войны, но после стала преподавателем танцев. Вот почему эмоции, о которых не говорится вслух, в этом спектакле нередко передаются через пластику.

Мария Небылица приносит свою мечту через все испытания и выходит из них победителем, несмотря на трагический финал. Вот нравственный итог постановки. Когда в поезде, уходящем на восток, к океану героиня снимает грубую военную куртку и тяжелые сапоги, то под ними оказывается скрытое от глаз белое платье и пуанты с атласными лентами. Красота все-таки спасает мир!

Софья Глухова,
студентка УрФУ

Спектакль «Фронтовичка»

Фото: Софья Глухова

Над номером работали:

Редактор – М. Мясникова; зам. редактора – А. Трухина;
секретариат – А. Новоселов, Н. Зверева;
верстка – Ю. Медведева; корректор – Ю. Лимонова;
кураторы – В. Цвиткис, Е. Гецевич; студенты УрФУ, ЕАСИ, РГИСИ.

